

Принуждение представителя государства как основание недействительности международных договоров, заключённых до вступления в силу Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года

Манташян С.А.

Кафедра международного и европейского права
Российско-армянского университета (Армения, Ереван)
sona.mantashian@gmail.com

Ключевые слова: договор, свобода согласия, государство, представитель, принуждение, недействительность.

Պետության ներկայացուցչին հարկադրելը որպես մինչև Միջազգային պայմանագրերի իրավունքի մասին 1969 թվականի մայիսի 23-ին կնքած կոնվենցիայի ուժի մեջ մտնելը կնքված միջազգային պայմանագրերի անվավերության հիմք

Մանթաշյան Ս.Ա.

Հայ-Ռուսական Համալսարանի միջազգային և եվրոպական իրավունքի ամբիոն
(Հայաստան, Երևան)
sona.mantashian@gmail.com

Ամփոփում: Սույն հոդվածը վերլուծում է թե որ ժամանակահատվածից է պետության ներկայացուցչին հարկադրելը դիտարկվում որպես միջազգային պայմանագրի անվավերության հիմք, ինչպես նաև վերոնշյալ հիմքի պատմական զարգացումը: Հոդվածի հեղինակը, մասնավորապես, վերլուծում է մինչև Միջազգային պայմանագրերի իրավունքի մասին 1969 թվականի մայիսի 23-ին կնքած կոնվենցիայի ուժի մեջ մտնելը դրսևորվող պատմական մոտեցումները, այնուհետև կատարում է նշված ժամանակահատվածում տեղ գտած վերոնշյալ հիմքի և անմիջապես պետությանը հարկադրելու միջազգային իրավական կարգավորման տարբերակված մոտեցման իրավական վերլուծությունը և ներկայացնում դրա հիմնավորումները:

Վճռորոշ բառեր՝ պայմանագիր, համաձայնության ազատություն, պետություն, ներկայացուցիչ, հարկադրանք, անվավերություն

Coercion of a Representative of a state as Ground of Invalidity of International Treaty Concluded Before the Entry into Force of the Vienna Convention on the Law of treaties adopted on 23 May 1969

Mantashyan S.A.

Department of International and European Law of Russian-Armenian University
(Armenia, Yerevan)
sona.mantashian@gmail.com

Abstract: This article provides an analysis from which period coercion of a state representative becomes ground for invalidity of international treaty, as well as the historical development of the above-mentioned ground. The author of the article, in particular, analyzes historical approaches existed before the entry into force of The Vienna Convention on the Law of the Treaties adopted on 23 May 1969, then makes the legal analysis and justification of differentiated approach existing in international law of mentioned period regarding the above-mentioned ground and coercion of state.

Keywords: treaty, free consent, state, representative, coercion, invalidity

Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года в своей преамбуле отмечает всеобщее признание принципа свободы согласия и в качестве инструмента защиты данного принципа в статье 51 конвенции отрицает юридическую силу согласия государства на обязательность для него договора, которое было выражено в результате при-

нуждения его представителя.¹ Таким образом, с момента вступления конвенции в силу недействительность договоров, заключенных в соответствии с условиями статьи 51, не нуждается в доказывании. Однако вступлению кон-

¹ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

венции в силу предшествует огромный исторический отрезок времени, в течение которого были заключены и действуют по сей день договоры, представляющие существенный интерес для всего международного сообщества. По этой причине с точки зрения принципа свободы согласия именно доконвенционный отрезок времени является объектом изучения данной статьи, в рамках которой посредством ретроспективного анализа попытаемся понять с какого момента и в каком объеме международному праву известен принцип свободы согласия и его нарушение путем принуждения представителя государства как основание недействительности договора.

Первые упоминания о воле договаривающихся сторон можно обнаружить в Римском праве, и уже только в его рамках принцип свободы согласия успеваеет претерпеть значительные изменения с точки зрения значимости при заключении сделки. Договоры Римского права древнейшего периода (право квиритов) (VI — середина III вв. до н.э.), всецело проникнутого принципами формализма в ущерб содержанию, по причине неразвитости товарно-денежных отношений, были немногочисленными и отличались ярко выраженным формализмом. Именно внешняя оболочка, а не содержание определяли природу того или иного договора, в форме которого могли быть выражены самые различные обязательственные отношения.² Таким образом, право придерживалось подхода, согласно которому лицо, принявшее на себя обязанность по договору, должно было его выполнить вне зависимости от обстоятельств его заключения. Сделка, совершенная под влиянием принуждения или силы, сама по себе считалась действительной.³ Римские юристы придерживались концепции: «*Coactus tamen volui*», что означало: хоть и под давлением, под принуждением, но все-таки волю он свою выразил.⁴ Это было делом лица, вступавшего в сделку — подчиниться угрозе, или противостоять насильственной силе. Если он этого не сделал своевременно и предпочел откупиться от угрозы, связав себя договорным обещанием, то это обещание он должен выполнить. Со временем оковы правового формализ-

ма ослабевают, уступая свои позиции силе внутренней сущности юридического акта. Классическое римское право (середина III в. до н.э. — конец III в. н.э.) начинает больше обращать внимание на подлинную волю контрагента. Подавление воли рассматривается как с точки зрения физического насилия в виде пыток, похищения с последующим заключением и т. п., так и морального, когда объект не испытывает насильственного воздействия непосредственно на свое тело, однако имеет место быть психологический эффект воздействия в отношении воли к совершению юридического акта, иначе говоря, объект воздействия действует под влиянием страха — «*metus*».⁵ Данный подход, объединяя в себе психологическое основание, нашел свое отражение в преторском эдикте, отрицавшем действительность таких сделок.⁶ Среди философов рассматриваемого времени более детально данный подход был раскрыт Аристотелем. Как утверждал последний, добровольным актом можно считать такое проявление воли, которое выражается без принуждения. Отсутствие насилия по Аристотелю — это необходимое условие согласия. Насилие в отношении человека влияет на свободу его волеизъявления, что лишает данное им согласие всякой силы.⁷ Таким образом, уже на раннем этапе своего возникновения и развития принцип свободы согласия значение в договорных приобрел существенное отношения.

С развитием классического международного права действие рассматриваемого принципа уже не ограничивалось распространением на частноправовые отношения, но также охватывал и международные. Так, одна из первых идей относительно волеизъявления государств была дана в начале XVI века Франсиском де Витория, утверждающим, что договаривающееся государство на момент заключения договора должно быть свободным, что предполагало отсутствие какого-либо принуждения в отношении его представителя.⁸ Еще через век, Гуго Гроций, придерживаясь терминологической и концептуальной связи с римским правом, скажет, о недозволительности подписания договора под влиянием страха, вызванного у догово-

² Н. Крашенинникова, О. Жидкова, *История государства и права зарубежных стран*, Глава 13. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/13.php, (дата обращения: 24.01.2019 г.)

³ И.Б. Новицкий. Римское право, *Воля и выражение воли*. https://www.pravo.vuzlib.su/book_z757_page_64.html, (дата обращения: 24.01.2019 г.)

⁴ Р. Bonfante, *Istituzioni di diritto romano*, 8th ed., 1925 by Milan Vallardi; § 6; (см. по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, 2011, p.1179.)

⁵ Д.В. Дождев, Римское частное право, Глава 4, §2. <http://knigi.link/rimskoe-pravo/nasilie-pri-zaklyuchenii-sdelki-quod-aut-metus-26861.html>, (дата обращения: 24.01.2019 г.)

⁶ Там же.
⁷ W. Momigliano, *In tema di vizi di volontà et di trattatiimposti con violenza*, Turin, 1938, p.18; (см. по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, 07 April, 2011, p. 1179.)

⁸ F. Vitoria, *Depote state civili*, 1528, § 21; (см. по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, 2011, p. 1179.)

ривающегося лица его контрагентом.⁹ Недействительность договоров, заключенных подобным образом Гроций также объясняет тем, что король, получивший свою власть от народа не может законно заключать договоры от его имени, находясь в плену: «Неуместно считать, что народ присуждает суверенитет лицу, при таких условиях, когда тот фактически не свободен.»¹⁰ То есть, будучи в плену, король не может являться представителем государства. Еще позже, во второй половине XVIII века, аналогичный подход будет поддержан Эмер де Ваттелем, согласно которому, договор действителен в том случае, если процесс его подписания не содержит дефектов.¹¹ В XIX веке Каспар Блюнчли в поддержку данной концепции давал следующее объяснение: «Государство не связано действиями представителя, который обезумел или находится в состоянии алкогольного опьянения, так как последний уже не способен контролировать свои действия и сам за них не в ответе. Ровно также государство не связано подписью государя, если действие его руки обусловлено применением насилия против него, или угрозой быть убитым; или как в случае с Польским Сеймом, который ратифицировал договор после оккупации здания русскими войсками и получения от них угроз.»¹²

Таким образом, приведенный выше анализ, датированный разными отрезками истории, отделяющимися друг от друга вековыми промежутками, доказывает, что уже доктрина классического международного права признает принуждение государства к заключению договора посредством принуждения его представителя основанием юридической недействительности такого договора. Более того, данное утверждение подтверждается не только доктринами наиболее авторитетных специалистов права рассматриваемого периода времени, но и сформированной на тот период времени государственной практикой, на которой базируется *consensus omnium* обычно-правового происхождения данного принципа. В частности, вышеизложенная концепция находит свое подтверждение сквозь

⁹ Hugo Grotius, *The Law of War and Peace*, 1625, Book II, chapter XII, Sect. 10; translated by T. Nugent, revised by J. V. Prichard, 1914; (см. по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, 2011, p. 1179.)

¹⁰ Там же, p. 1182.)

¹¹ E. Vattel, *The Law of Nations or Principles of the Law of Nature Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns*, Amsterdam, 1758, Book II, Chapter XII, § 157; (см. по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, 2011, p. 1180.)

¹² Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, 2011, p. 1182.

призму правовых последствий, к которым привели многочисленные международные договоры, заключенные в рассматриваемый период времени, а также непосредственно правовые оценки этих последствий, данные государствами в последующем. Так, с точки зрения рассматриваемого вопроса среди прочих наиболее яркими историческими свидетельствами государственной практики являются Мадридский договор от 14 января 1526 года, Договор о разделе Польши от 5 августа 1772 года, Байонский договор от 15 июня 1808 года, Договор между Францией и Голландией от 16 марта 1810 года, Бардоский договор от 12 мая 1881 года, Договор о финансовом, экономическом развитии и мире в Гаити от 16 сентября 1915 года, Японо-корейский договор о протекторате от 17 ноября 1905 года, Договор о протекторате Богемии и Моравии от 15 марта 1939 года, Договору между Великобританией и Ирландией от 6 декабря 1921 года. Ряд из числа вышеперечисленных договоров никогда не были исполнены со ссылкой на их недействительность ввиду подписания под принуждением представителя государства, остальные же были признаны представителями международного сообщества (а в ряде случаев непосредственно принуждающей стороной) недействительными по аналогичным основаниям.¹³

В то же время, особый интерес представляет тот факт, что международное право, существующее до провозглашения запрета на угрозу силой и ее применения, проводит разграничение между принуждением в отношении представителя государства и принуждением в отношении непосредственно государства. Так, если, как мы смогли убедиться, в рассматриваемый исторический период времени, принуждение в отношении представителя государства является основанием недействительности заключенного подобным образом договора, то принуждение направленное непосредственно на государство таким основанием не служит.¹⁴ Таким образом, данный подход являлся исключением из принципа свободы согласия, и вытекал, как было отмечено выше, из отсутствия запрета на угрозу силой и ее применения.

В связи с вышесказанным справедливо может возникнуть ряд вопросов относительно оснований для подобного разграничения и эффективности признания недействительным договор, заключенный в результате принужде-

¹³ Там же, p. 1182, 1183.

¹⁴ E. Vattel, *Le de droit des gens*, 1758, Book IV, ch. II, §13, *Classics of International Law*, Fenwick translation. 1916; (см. по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, 2011, p. 1179.)

ния представителя государство, в рамках такого международного правового порядка, в котором угроза силой, ее применение, а значит и агрессивная война являются допустимыми средствами разрешения международных споров. Так, *ratio juris* такого дихотомичного подхода заключался в том, что международное право рассматриваемого исторического периода времени, еще зная и не устанавливая запрета на угрозу силой и ее применение, и, признавая юридическую действительность договоров, подписанных под принуждением победившей страны, оказываемым над побежденной, давало место большому количеству злоупотреблений. При анализе данного подхода необходимо учитывать, что государство, так или иначе, функционирует и выражает свою волю исключительно через отдельных физических лиц, а именно - его представителей. Согласие или отказ в согласии выражается этими лицами, и, следовательно, отождествляется с реальным согласием государства, рассматриваясь в качестве эффективного. Таким образом, в обход государства, принуждение может быть направлено лишь на его представителя – физического лица, которое, защищая свои личные интересы, фактически, давая свое согласие, совершает шаги от имени представляемого им государства, тем самым, лишая государство реальной возможности дать или отказаться от дачи своего согласия на договор. ***В подобных обстоятельствах представитель государства не выражает согласие последнего. Вот почему, несмотря на то, что в рассматриваемый период времени, угроза силой, ее применение, агрессивная война и другие виды насилия и принуждения, применяемые победившим государством в отношении побежденного, являлись правомерными средствами разрешения международных споров, появилась правовая потребность разграничения*** принуждения, направленного непосредственно на государство, в результате которого государство, тем не менее, могло выразить или отказать в выражении согласия, что было достаточным для юридической действительности договора, и принуждение представителя государства, которое лишая государства возможности выражения своего согласия или отказа от его дачи, вело к юридической недействительности договора.

Результаты проведенного нами в данной статье анализа позволяют сделать выводы, представляющие значительный интерес для нашего исследования. Обращаясь к истокам зарождения принципа свободы согласия, можно увидеть, что своими корнями он уходит далеко в Римское право, успевая уже только в его рамках подвергнуться значительным измене-

ниям с точки зрения значимости при заключении сделок. Так, если Римское право древнейшего периода закрепляла за лицом, принявшим на себя обязанности по договору, обязанность выполнить его вне зависимости от обстоятельств его заключения, то уже Классическое римское право начинает все большую роль отводить подлинной воли контрагента и обстоятельствам его выражения. Подавление воли лица как посредством физического, так и морального насилия – влияния страха, начинает рассматриваться как основание недействительности для сделки, заключенной под влиянием таких обстоятельств. С развитием классической международной сфера действия принципа свободы согласия перестает ограничиваться частноправовыми отношениями и начинает охватывать и признаваться в международных отношениях. Как доктрина рассматриваемого периода времени, так государственная практика свидетельствуют о том, что для того, чтобы договор считался действительным, представитель государства на момент заключения договора должен быть свободным, его воля не должна быть подчинена страху или выражена в результате какой-либо иной формы оказанного на него принуждения. Тем не менее, в рассматриваемый период времени война продолжает оставаться правовым средством разрешения международных споров, что с неизбежностью ведет к проявлениям тех или иных форм принуждения при заключении мирных договоров, оказываемых победившей в войне страной в отношении проигравшей. Именно в результате этого классическое международное право ставит разграничение между принуждением, оказываемым на представителя государства, рассматривая это, в качестве основания его недействительности, и принуждением, оказываемым непосредственно на государство, что в качестве аналогичного основания не рассматривалось. Во втором случае хоть и под принуждением государство, тем не менее, осознанно делает выбор в пользу заключения договора, пусть и невыгодного, но обеспечивающего ему безопасность и выражает свое согласие на его подписание. В случае же, когда принуждение направлено на представителя государства, государство лишено возможности свободного выражения или отказа от выражения согласия, от его имени действует не лицо выражающее волю государства или преследующее государственные интересы, а лицо, которое находится под влиянием страха и принуждения как человек, целью защиты которого являются свои личные интересы. Таким образом, правовая потребность подобного разграничения обусловлена необходимостью исключения возмож-

ных злоупотреблений, где выражение согласия государства носит лишь формальный характер, во основе которого лежит принуждение его представителя.

Таким образом, сделанные в результате проведенного в данной статье анализа, выводы позволяют констатировать, что еще в доконвенционный период времени, а именно с началом развития классического международного права, международному праву известен принцип свободы согласия, объем распространения которого пока, в условиях признания войны правомерным средством разрешения международных споров, хоть и ограничивается свободой согласия представителя государства, а не государства в целом, тем не менее с обязательностью, в случае его нарушения, является основанием признания заключенного подобным образом договора недействительным.

Список использованной литературы

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.
2. **Крашенинникова Н., Жидкова О.**, История государства и права зарубежных стран, Издательство НОРМА—ИНФРА - М Москва, 1998, на русском языке.
3. **Новицкий И.Б.** Римское право, Воля и выражение воли, Издательство «ГЕИС», Москва, 2002, на русском языке.
4. **Дождев Д. В.**, Римское частное право, Издательство НОРМА—ИНФРА - М Москва, 1996, на русском языке.
5. **Olivier Corten, Pierre Klein**, The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary, Book 1, publisher Oxford Scholarly Authorities on International Law OSAIL, 2011, на английском языке.